

САЯНА  
ГОРСКАЯ

*Рыжее  
наказание*

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

ДЛЯ ОПЕРА

18+

**Саяна Горская**

# **Рыжее наказание для опера**

**Серия «Судьба на перекрёстке», книга 3**

*<https://litres.ru/70387507>*

*SelfPub; 2024*

## **Аннотация**

<p>Когда вместо знака Вселенная вручает тебе девушку с кучей странностей, невольно задумываешься где ж я так налажал? Но красавица с редким и тёплым именем Лета явно скрывает что-то в глубинах своей души. И мне, отчего-то, очень важно докопаться, понять и помочь. Даже если она против. Потому что моё холодное сердце медленно оттаивает рядом с ней. И никогда прежде я не чувствовал себя таким живым.</p><p>Но разрушающие призраки прошлого, тем временем, подбираются всё ближе.</p>

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 4  |
| Глава 2                           | 11 |
| Глава 3                           | 20 |
| Глава 4                           | 28 |
| Глава 5                           | 37 |
| Глава 6                           | 46 |
| Глава 7                           | 58 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 65 |

# Саяна Горская

## Рыжее наказание для опера

### Глава 1

**Север.**

— Температура воздуха ночью до минус восьми градусов. Местами возможен снег. Ветер северный, три метра в секунду. А теперь перейдём к другим новостям...

Вырубая магнитолу, погружаясь в тишину.

Я битый час катаюсь по ночному городу в поисках каких-то знаков. Хоть чего-то, что поможет понять, куда мне двигаться дальше.

Жизнь кажется бессмысленной. Может, это экзистенциальный кризис? Или кризис среднего возраста? Или ещё какой кризис, их же целая тьма на каждый год жизни...

Работа в органах откровенно разочаровывает. Последнее громкое дело, которое я закрыл в начале лета, до сих пор не даёт покоя местным писакам. Смерть криминального авторитета Бориса Мартынова всколыхнула весь город.

У кого-то развязались руки, а кто-то лишился кормушки.

Мне прочили взлёт, но для меня это дело стало тупиковой точкой. Чем-то, что показало, в каком осклизлом и гнилом мире мы живём. И всех негодяев не переловить, не ис-

требить.

До чёртиков заколебался бегать от репортёров и отказываться от интервью. С пресс-центром, видите ли, не так интересно общаться. Люди жаждут подробностей из первых уст. Однако мои уста останутся плотно закрытыми. Я не хочу больше ковыряться в этой грязи.

Я всегда стоял за правду, мораль и совесть. Думал наивно, что все мы в органах такие, иначе зачем вообще идти туда работать?

Но честные менты сейчас — это оксюморон? Обидно, бляха...

Оказалось, среди нас много оборотней, падких на звон монет. И я до сих пор не могу доверять людям, на которых должен целиком и полностью полагаться.

Это не так легко — развенчать то, на чём зиждилось твоё существование, твоя вера в человечество. Признать, что нет ни справедливости, ни морали, ни чести, и всё в этом мире покупается и продаётся.

Особенно сложно это признать таким упоротым в правду идиотам, как я.

Въезжаю на мост, освещенный редкими фонарями.

Дай мне какой-нибудь знак, Вселенная. Что-то, что подскажет вектор движения. Я устал тыкаться наощупь в пустоте, как слепой котёнок.

Фары вырывают из мрака силуэт. Женский, хрупкий. Ветер безжалостно треплет рыжие волосы и тонкую курточку,

надувая её за спиной, как парашют. Безбашенная рыжеволосая ведьма стоит на самом краю моста, за перилами. Смотрит вниз, согнувшись почти пополам.

Проезжаю дальше метров на тридцать, останавливаюсь. Выхожу из машины, стараясь не хлопнуть сильно дверь.

До органов я работал два года в МЧС, сразу после срочки. Видал всяких. И что-то ещё осталось в голове.

Свист ветра заглушает мои шаги. Подкрадываюсь тихо, надеясь, что сумасшедшая дамочка не повернётся в мою сторону. Может испугаться и разжать руки. А руки-то там, господи... Я бы им не доверил вес тела, даже такого миниатюрного.

Оказываюсь прямо за спиной девушки. Резкий выпад. Перехватываю поперёк груди, подмышками, так, чтобы не выскользнула.

— Аа! Помогите! — Орёт, разрывая мои барабанные перепонки фальцетом. — Спасите!

— Я спасаю, идиотка!

Рывком вытягиваю её за перила. Падаем вместе на асфальт.

Я — на спину, крейзи-ведьма — на меня, залепив затылком в кадык.

Тут же отскакивает в сторону. Садится, обхватив колени руками и затравленно смотрит исподлобья.

Молчим. Перекидываемся хмурыми, недовольными взглядами.

— Какого хрена?! Жить надоело?!

— Я не то... Это не... Я не хотела... — Поджигает губы на секунду, и продолжает уже куда резче. — Езжайте вы, куда ехали.

— Чтобы вы опять на мост и вниз?

— Я не собиралась прыгать.

Смотрю в глаза её внимательно.

И правда, нет в них намерения на самовыпил. Я много видел разных глаз, и у суицидников они потухшие, обречённые, мрачные. А у этой — огнём горят. Жажда жизни бьёт через край.

Но какого чёрта тогда..?

Продолжаю экскурсию по лицу. Красавица, если коротко резюмировать. Черты лица такие чёткие, благородные... Порода видна.

Но надроченный мозг тут же находит подвохи: курточка потрёпанная, старая. Руки очень нежные, хрупкие. Выглядывающие из-под рукавов запястья совсем тонкие. Руки эти работы не знают. Но маникюра нет. Ногти короткие, срезаны под корень не слишком аккуратно. На ногах сапожки с лейблом бренда, но тоже выдавшие виды...

И все эти детали без моего согласия уже собираются в шкатулку в голове с фоткой этой ведьмочки. Чтобы потом, в самый неподходящий момент, извлечься и подгрузить меня.

Поднимаюсь на ноги, протягиваю руку, предлагая помощь.

Отказывается, встаёт сама.

— Или вы объясняете, что здесь происходит, или я вас в обезьянник отвезу.

— Меня? За что?

— За нарушение общественного порядка!

Оглядывается растерянно.

— Нет здесь никого, кроме нас с вами.

— Этого достаточно. Двое — уже общество.

— А я вам ничего объяснять не обязана.

Разворачивается, уходит.

И куда?

Как девушку одну ночью отпускать?

— Вселенная, я знак просил, а не проблем... — Обречённо воздаю руки к небесам.

Иду за ведьмой.

— Куда вам?

— Не ваше дело.

— Это я уже слышал. Я на машине, подброшу.

— Меня мама учила к незнакомым дядям в машину не садиться.

— Что ж мама вас тогда не научила не болтаться, как мартышка, на перилах моста высотой тридцать метров?

Останавливаю её за локоть.

Дёргается, вжимая голову в плечи. Закрывает лицо руками. А пальчики тонкие дрожат.

Нездоровая фигня...



— Эй, ладно, не трогаю. — Вскидываю руки, открывая ладони, как бы говоря, что я безопасен. — Давайте подброшу, и разойдёмся на этом.

Смотрит в одну точку перед собой.

— Не могу я. Не надо.

— Что значит, не можете? Хотите, я вам документы покажу? Я в органах работаю...

— А что, в органах плохих людей не бывает? — С ироничным смешком.

Вот прям в точку. Только это не самое подходящее время, чтобы по моим триггерам наждаком елозить.

— Идите за машиной. — Кивает она в сторону.

— Дождётесь?

Снова кивает.

Быстрым шагом иду к тачке, сажусь, а когда выворачиваю на встречу, успеваю заметить только мелькающий силуэт и развивающиеся, как языки пламени, рыжие волосы.

Убегает сумасшедшая ведьма так, что пятки сверкают, и стоило бы облегчённо выдохнуть, но отчего-то мне тревожно внутри.

Догонять — хуже только сделаю. Напугаю. Не догонять — вляпается во что-нибудь.

Вытаскиваю из кармана пятирублёвую монету, подкидываю.

Орёл — догоняю, решка — домой.

И мне почему-то хочется, чтобы выпал орёл.

Монета крутится, отражая рёбрами свет фонарей.  
С хлопком ловлю на ладони, переворачиваю.  
Решка.

Ладно, понял. Не тупой.

Жму по газам. Ещё пару кругов по городу и спать.  
Вселенная, дай же мне какой-нибудь знак...

## Глава 2

**Лета.**

В привокзальной забегаловке сажусь за столик, скрытый от глаз посторонних. Подальше от света ламп и случайных взглядов. Хотя в такое позднее время здесь и так никого — только я и молодая девушка за кассой.

А ещё здесь нет камер. Я это знаю, потому что не первый раз сюда заглядываю. Поэтому мне безопасно.

Беру горячий пирожок с капустой, чай. Уплетаю свой незатейливый ужин.

Я пропустила все электрички. Время — три, и до ближайшей ждать целых два с половиной часа.

А баба Тася, старая моя кикимора, тем временем уже наверняка кипятит воду, чтобы сварить меня и сожрать прямо с потрохами, поэтому надо скорей домой возвращаться. Хотя «домой» — это очень громко сказано.

Нет у меня больше ни дома, ни семьи. И это больно, когда ты вдруг оказываешься один одинёшенек против целого мира.

Разделавшись с пирожком, снимаю куртку. Сворачиваю в несколько раз, укладываюсь на неё головой.

Я просто полежу. Устала.

С мостом хорошая была идея. На мгновение я почувствовала эту самую жизнь: шум крови в ушах, биение сердца,

щекочущее в солнечном сплетении тепло. И что в теле моём ещё есть душа, а не один лишь страх. Тот, что сжимает острыми когтями горло и мешает дышать. Тот, что приходит во снах в образе хорошо знакомом и когда-то даже... любимом. А теперь до дрожи ненавистном.

Надо будет попробовать снова, да.

Сегодняшняя моя вылазка в город оказалась совершенно бессмысленной тратой времени. Всё из-за этого придурюшного, который решил на мне попрактиковаться в рыцарстве.

Разве я была похожа на даму в беде?

Девушка, застывшая над пропастью — это ситуация, требующая вмешательства посторонних? А если бы на моём месте был кто-то, кому действительно нужна помощь, хотела бы я, чтобы этот человек поступил так, как поступил?

Да, наверное... — С раскаянием прикусываю губу клыком.

Но я-то не собиралась прыгать. Я слишком люблю жизнь, даже вот такую новую её ипостась, не слишком ласковую и дружелюбную.

Однако откуда же ему было это знать? Нормальные люди обычно выбирают более социально-одобряемые способы проведения досуга.

Зря я с ним так... Он показался мне хорошим.

Хотя у плохих людей нет ярлыка на лбу. Максим тоже... казался хорошим.

«Когда кажется — креститься надо», — сказала бы баба

Тася.

Незаметно для себя засыпаю.

Просыпаюсь от того, что толкают меня в плечо осторожно. Шепчут что-то. И мне кажется, это мама.

Улыбаюсь.

— Девушка, вы поезд свой не проспите?

— А?

— Поезд...

Реальность даёт оплеуху.

Резко сажусь. Тело затекло, ноет каждая мышца.

— Сколько времени? Электричка на Мирную уже ушла?

— Час назад как. Через двадцать минут следующая. —

Тёточка смотрит на меня со смесью жалости и беспокойства.

Что, так плохо выгляжу?

Да мне самой от себя тошно. Стыдно. За то, до какой жизни докатилась. Сплю в забегаловках, как бродяжка. Шарахаюсь по ночам, словно подросток, ищущий приключений на задницу. Но ведь так оно и есть. Это факты, и все они про меня.

Чертовски сложно принять их, после той жизни, к которой я привыкла.

Летиция Стоцкая-Дюпре, дочь уважаемого банкира, жена не менее уважаемого золотого магната, ест в привокзальных кафешках пирожки с капустой и спит на лавке.

Просто блеск!

— Извините. Я уйду уже. — Надеваю куртку. — Можно

мне кофе?

— Касса закрыта. Пересмена у нас.

— А. Извините...

Тёточка поджимает губы. Цокает, качает головой. Убегает.

Пятернёй расчёсываю спутанные волосы. Луплю ладонями по щекам, чтобы проснуться.

Нормально, Лета, всё будет нормально. Где наша не пропадала?

Иду на выход.

— Голубушка, погоди. — Тёточка догоняет. Несёт пластиковый стаканчик, над которым поднимается пар. — Не капучино, конечно. Растворимый. Пьёшь такое?

— Спасибо вам. — Забираю стаканчик. Он согревает озябшие ладони. — Давайте, я заплачу.

— Не дури. Беги, на электричку, девочка, не опаздывай.

— Возьмите хотя бы вот... — Из заднего кармана джинс достаю скомканную пятидесятирублевую купюру.

Растворимый кофе не стоит и десятки. Но человеческое тепло гораздо дороже. И я по привычке пытаюсь обменять его на деньги.

— Да убери ты. — Отталкивает мою руку и шикает: — Убери! Купишь себе мороженое.

Она такая... Тёплая. Участливая. Пахнет едой, печёным хлебом. И мне хочется кинуться к ней на широкую грудь и зарыдать, сетуя на жизнь. Но я сдерживаюсь.

Убираю деньги в карман и выхожу на улицу.

Холодно! Октябрь в этом году выдался мрачный и промозглый. То снег пробрасывает, то ледяной дождь.

Бегу к вокзалу, запахнув куртку и придерживая её рукой. Замок сломался, а другой у меня нет. И денег, чтобы купить новую, тоже нет. Зарплата ещё не скоро, да и той хватит только на еду.

Через вокзал иду, низко опустив голову. Не хочу, чтобы моё лицо засветилось на камерах. Такая мера предосторожности может уже и лишняя — Макс вряд ли каждый день рассматривает все записи с камер города, но мне так спокойней.

Прохожу через турникеты, покупаю билет в кассе, а в автомате — плитку молочного шоколада. Выхожу на платформы как раз к моменту, когда электричка показывается на горизонте.

Выбираю вагон, где поменьше людей. Устраиваюсь в углу, хлебаю уже остывший кофе. Он сладкий, и вообще от кофе там одно название, но мне он кажется самым вкусным на свете. Потому что с капелькой чужого сострадания.

Смотрю на быстро мелькающие деревья. Считаю секунду между столбами, которые мы проезжаем. Рассматриваю маленькие деревушки, покосившиеся домики, заболоченные речушки.

Небо серое и низкое. Хмурое. Налитое свинцом.

Ловлю в отражении окна свой взгляд — затравленный, напуганный.

Я скорблю по той звенящей счастьем девчонке, что жила когда-то во мне. По шумной, суетной, весёлой девчонке.

Теперь же молчание стало моим громким криком. Жаль, что его никто не слышит.

Полтора часа борюсь со сном, мерно покачиваясь в такт движению электрички. Колёса отстукивают для меня колыбельную. Но спать нельзя — пропущу станцию.

— Следующая остановка четыреста-восем-надцатый километр. — Объявляет механический голос по громкой связи. Это моя.

Деревня Мирная — крошечная. Старый вокзал закрыт, а станцию перенесли на двенадцать километров, сделав просто платформу. И даже название убрали. Теперь это не Мирная, а четыреста восемнадцатый километр. И живут там одни старики, которые не хотят уезжать, да пара десятков детей, которые пока, в силу возраста, уехать не могут. Моих ровесников мало, да и с теми мне особо поговорить не о чем.

Какие у нас общие интересы?

Выставки и театральные постановки не интересны им, огородные баталии и бытовые хлопоты — мне.

Через пятнадцать минут электричка останавливается. Выхожу на перрон.

Вбираю в лёгкие воздух, пахнувший дымом, лесом, свежестью. В городе такого воздуха нет, а здесь — свобода. И небо огромное, не скрытое мрачными взводами многоэтажек.

Вечером, видимо, здесь дождь прошёл или мокрый снег.



Дороги снова развезло, и только небольшой минус пока позволяет пройти по подмерзшей грязи без риска утонуть по щиколотку. Нет ни такси, ни автобусов.

Добираюсь до дома. Прежде чем открыть покосившуюся калитку, стучу по забору, чтобы проверить, на месте ли наши сторожа. Но никто не лает, поэтому я быстро забегаю в дом. А как только вхожу, получаю нагоняй от бабы Таси.

— Я думала, издохла где-то. — Ворчит она, шевеля кочергой дрова в печи, и смотрит на меня с укором. — Долго будешь по ночам шлындать?

— Я перед вами отчитываться не обязана.

— Пока в моём доме живёшь — обязана.

— Могу и не жить.

— И куды пойдёшь? Кому ты сдалась? — С кряхтением поднимается с низкого стула, отставляет кочергу в угол. — Свалилася на мою седую голову.

Молча кладу на стол шоколадку.

Кикимора моя сдаётся, вздыхая. Узловатыми пальцами сгребает подношение и прячет в кармане домашнего халата.

Баба Тася сварливая, острая на язык и иногда ядовитая. Без какого-либо внутреннего фильтра: просто говорит, что думает, и делает так, как говорит. Но мне это тоже безопасно, потому что лучше честно плевать желчью, чем нежно и медленно душить в объятиях.

— Така красивая девка, и така безмозглая! Мужа бы тебе нормального.

— Не надо мужа. Проще одной. — Сажусь на пол у печи. Тяну руки к теплу. — Плавали, знаем.

— Та куда ты там плавала? Горе луковое! Жить ещё не начинала, а уже крест на себе поставила. Нельзя нам, женщинам, без мужиков. На меня хоть глянь. Хочешь жизни такой?

Уж лучше такой, чем той, что у меня была.

Лучше скромно, но свободно, чем в роскоши и без нужды, но на коротком поводке и под постоянным давлением. В страхе.

— Ой и непутёвая ты девка, Лета! Ой и непутёвая! Сымай штаны свои, постираю. Где только шарохалась?

Осматриваю джинсы: действительно, грязные. Наверное, когда мы с тем ненормальным на асфальт завалились, испачкала.

— Не надо, сама постираю.

— После твоих «постираю» надо сызнава стирать. Сымай.

Снимаю. Пререкаться нет смысла, баба Тася нестибаема, как чугунная сковорода.

Она забирает мои джинсы, ковыляет на веранду, а я ухожу в отведённую для меня комнату.

Комнатка малюсенькая, зато соседствует с печкой, поэтому здесь всегда тепло. Кровать старая, продавленная. Ковёр с замысловатым рисунком на стене. Огромный шкаф, старше меня раза в три.

Из моего имущества здесь только старый ноутбук, который я купила с рук на последние деньги. Я с него пылинки

сдуваю, потому что эта на ладан дышащая шайтан-машина сейчас — мой единственный способ заработка.

И мне, в целом, больше ничего и не нужно.

Главное, что Максим здесь меня никогда не найдёт. Я сама попала сюда случайно, а значит, нет ни одной ниточки, которая привела бы его в эту деревню, в этот дом. И это, пожалуй, стоит того, чтобы терпеть непрекращающиеся наставления бабы Таси.

Забираюсь под колючее войлочное одеяло. Вожу пальцем по узорам на ковре, повторяя рисунок.

Засыпаю.

## Глава 3

### Север.

Набираю в чайник воду, ставлю на плиту, включаю газ.

Дома в одного торчать — тоска смертная, поэтому я всё чаще в свободное время зависаю у Аристова. Типа помогаю с двойняшками, а на самом деле убегаю от одиночества. Хотя всегда думал, что люблю его, это одиночество. Но сейчас оно даёт лишние поводы для размышлений, а все мои думы такие убудско-серые, что хоть вой.

У Сани Аристова двойняшки — Сёма и Тёма. И жена сейчас беременна третьим. С женой у них новый этап отношений после развода. Не верил в подобные истории до того, как с Саней познакомился. А оно вон как бывает...

Но их будто само мироздание толкало в объятия друг друга. Все знаки указывали на то, что вместе им нужно держаться, иначе кирдык.

И только мне никто подсказку дать не хочет.

Может, это миссия моя на земле — разруливать чужие проблемы?

Всё бы ничего, если бы это приносило столько же радости, сколько и раньше. Сейчас я отчётливо стал слышать тиканье биологических часов, и боюсь, если честно, умереть вот таким — неудовлетворённым тем, что успел сделать в жизни.

Не то, чтобы я собрался умирать... Нет, не сейчас. Но ко-

гда-нибудь. И как понять, что жизнь, прожитая тобой, была не напрасна? Что ты действительно сделал что-то стоящее в масштабе не то, что целого мира, а хотя бы своего ближайшего окружения?

Нам всегда будет недостаточно. Такая уж человеческая природа. Не лень двигатель прогресса, а неудовлетворённость, мать её.

Надо было слушать отца. Не идти в органы. Сейчас бы жил себе, припеваючи. Руководил бы мебельной фабрикой. Наверное, женился бы на красотке длинноногой для статуса. Она бы мне родила сыновей, вот как у Аристова. Чем не счастье?

Я, хорошенькая блондиночка-жена, двое сорванцов.

Зависаю взглядом на кольце огня под закипающим чайником. Это неожиданно рождает в голове совершенно иной образ: рыжие локоны, развевающиеся на ветру, как всполохи пламени.

Как там ведьма, интересно? Добралась ли до дома живой и невредимой? Зачем вообще на мост забралась?

Мне по долгу службы положено вопросы задавать, и это уже давно стало стилем жизни. Но вопросы, на которые у меня нет ответов, мучают и высасывают энергию. Потому что я пытаюсь рассуждать логично, но логика — это не то, чем руководствуются люди, совершая глупости.

Надо было её проводить. Догнать и вынудить принять помощь. Потому что женщинам в нашем мире всё ещё сложно

выживать, несмотря на то, что в обществе они сравнивались в правах с мужчинами.

Но сила...

Простая грубая сила решает. И, к сожалению, очень часто она решает не в пользу женщин.

Надо было проводить!

Да-да, а потом огрести по шапке, когда эта невменяемая решила бы написать на меня заявку за преследование, домогательства или ещё чего похуже.

Мало ли, что там у ведьм в их рыжих головах.

Нормальный человек никогда не станет без веского повода рисковать жизнью. Даже если намерения на прыжок у неё не было, что-то внутри явно сломано. Механизм сбоят. А я не механик, и даже не психолог. Мне туда лезть не надо.

Может, она вообще адреналиновая наркоманка и всё это делала джаст фо фан?\*

Чайник свистит, вырывая меня из мыслей. Выключаю газ, наливаю крутой кипяток в заварник.

— Аристов, вы чо там, где?

— Бежим!

Топот. Визги.

Залетают в кухню оравой.

Саня — это человек-проблема. При первой встрече он мне показался наглухо отбитым. А потом ничего... И вот как-то срослись мы быстро.

Все его беды от того, что он нихрена не думает, прежде

чем сделать. Мои — от того, что слишком дохрена думаю.

В общем, компенсируемся мы друг о дружку.

— Сёма нарисовал солнышко. — Со скорбным лицом говорит Саня.

— Прекрасно. Творческий человек растёт.

— На Ликиной винтажной сумке за хулиард денег. — До-  
стаёт из-за спины.

Белая матовая кожа. Люксовое качество. И корявое сол-  
нышко зелёным маркером в самом центре.

— Ну... Зато весёленько стало.

— Лика меня убьет... Вот точно. Вернётся с тренировки  
и будет на мне своё беременное айкидо отрабатывать.

— Да не нагнетай!

— Отвечаю. Мне кабздец. Север, а может мы скажем, что  
это ты? Тебя она не тронет.

Вздёргиваю брови красноречиво.

— Аристов, ты не в себе.

— Как мне это оттереть?

— Тебя в гугле забанили? Возьми, да спроси.

Лезет в телефон. Сосредоточенно читает.

Ставлю перед двойняшками кружки с чаем, бутерброды.  
Нам с Саней кофе наливаю.

— Ну что, есть шанс на спасение?

— Да, я как раз мониторю билеты до Мексики. Там Лика  
меня не достанет.

— Если ты так думаешь, то ты плохо знаешь свою жену.

Так, давай уксусом попробуем. Моя бабушка им всё оттира-  
ла. Хуже точно не станет.

Саня достаёт уксус, смачивает тряпку.

Трёт злополучное солнышко под любопытными взгляда-  
ми двойняшек.

— Стало хуже! — Орёт, демонстрируя рисунок, ставший  
теперь просто зелёным пятном.

— Действительно... — Отхлёбываю горячий кофе. Креп-  
кий получился. — Ладно, читай, что там ещё в интернете  
пишут.

Саня снова уходит в телефон. Нервно постукивает паль-  
цами по столешнице.

— О, тут про тебя опять. Какой-то паблик местный.

— Закрой.

— «...Благодаря слаженной работе сотрудников след-  
ственного отдела, на чистую воду удалось вывести и пособ-  
ников Мартынова. В общей сложности, в ходе расследова-  
ния было задержано восемнадцать человек, трое из которых  
занимали высокие посты в администрации города. К сожа-  
лению, оперуполномоченный Северов, который сыграл глав-  
ную роль в разоблачении преступного синдиката, пока от ин-  
тервью с нами отказывается...»

— Закрой, говорю. Это даже не газета. Любители ка-  
кие-то.

— Нихрена себе любители. Полтора ляма подписчиков.

— Это не делает их профессионалами.



— Дал бы уже им это интервью!

— Не хочу. Они всё извратят, вывернут наизнанку.

— Ты в любом случае герой.

— Не герой. — Отворачиваюсь, сверля взглядом окно. —

Дебил. Опер в розовых очках, так ты сказал?

— Да я же пошутил...

— А я нет. Стрёмно это, когда ты веришь в систему, а она оказывается насквозь гнилая. Не то, чтобы я раньше не знал, что среди наших есть оборотни. Но не в таких количествах, Сань. И не настолько аху... — Луплю, извиняясь, по губам, но двойняшки и ухом не ведут. — Обалдевшие! Мне стыдно быть частью этой системы.

— Да ладно, чо на них смотреть? Каждый отвечает за себя. Тебе не в чем раскаиваться, ты человек порядочный и честный. А за чужими демонами всё равно не уследишь.

— Это моя работа — за чужими демонами следить.

— Твоя работа — разгребать дерьмо, ставшее продуктом их деятельности. Не путай мягкое с тёплым.

А я путаю?

Может, и путаю. Но меня всё равно фрустрируют эти мысли, невозможность достичь желаемого. Никогда наш мир не станет идеально честным, справедливым, милосердным. Всегда найдутся люди, которые хотят отхватить себе кусок пирога побольше, и сделают они это за счёт других, конечно.

Растираю шею ладонью.

От напряжения мышцы словно набиты мелкими камуш-

ками. Я сам стал каким-то топорным, неповоротливым. Каменным изваянием.

Наверное, надо в отпуск. Рвануть на Алтай, в горы, к природе поближе, от суеты подальше. Замедлиться, кайфануть от жизни без связи, постоянных звонков, угрюмых морд.

Это ещё одна причина, по которой я у Аристовых зависаю. Дом у них за чертой города. В глуши. И сюда почти не добираются звуки цивилизации, не считая шума поездов, мчащихся по путям в паре километров отсюда.

Иногда, сидя в кресле в саду, я мечтаю о том, как этот поезд меня уносит подальше. Куда-нибудь на другую планету, желательно.

— О, есть какой-то карандаш волшебный! — Радостно сообщает Саня, тыча мне в лицо экраном телефона. — Пишут, оттирает всё!

— Отлично.

— Съездишь, а?

Закатываю глаза.

— Север, ну чо тебе... Час туда-обратно.

— Название пиши. — Опрокидываю залпом оставшийся кофе. Забираю ключи от машины.

— И это... Можешь по пути в веганскую ту пекарню заскочить? За диетическими эклерами.

— Нихрена это не по пути, мне крюк в пол города придётся делать. Обойдёшься без эклеров.

— Да не мне, Лике! На случай, если волшебство каранда-

ша не сработает...

Вздыхаю.

— Ладно. Ещё поручения для феи крёстной будут?

## Глава 4

**Лета.**

— Вставай, непутёвая, ищут тебя! — Трясёт баба Тася за плечо.

Ищут?!

Разлепляю глаза и подскакиваю. В груди щемит. Воздух не проходит в лёгкие — горло сжало спазмом.

Неужели нашёл? Где дала осечку? Засветилась в камерах вокзала?

— Кто?! — Хриплю, хватаясь за сердце. Оно испуганно лупит в ладонь.

А в голове гулко стучит «Не отдавайте меня ему! Не отдавайте!»

— Шура. Ты ей обещалась воды натаскать.

Шура!

Господи...

— Баб Тась... — Усиленно фильтрую в голове слова. — Ну нельзя же так с людьми!

— Чегой?

— А то вы не знаете, чегой. — Поясничаю на её манер.

Местный диалект я вообще не сразу научилась понимать, но потихоньку привыкаю.

— Ты перед тем, как к Шурке уйти, собак накорми. Дымок снова смылся куда-то, гадёныш. Второй день нет его. А

Цуцик под крыльцом сидит, нагулялся.

Дымок — это помесь алабая и маламута. Огромный, как нефтетанкер. Машина для убийств, иными словами. Только сам Дыма так не считает — за грозным внешним видом скрывается нежное и по-детски наивно-дружелюбное сердце. Но люди, которые этого не знают, при первом контакте с ним начинают заикаться. Потому что Дыма настаивает на очень тесном знакомстве: с объятиями, обнюхиваниями, облизываниями и нежным кусем.

Цуцик — четыре с половиной килограмма ярости. Несуразное нечто с вздыбленной в разные стороны шерстью, кривой челюстью и торчащими из-за этого наружу зубами. Шумный и визгливый, как газонокосилка. Но сторожевую функцию в доме выполняет именно он.

— Цуцика своего сами кормите. Он меня вчера укусил.  
— Демонстрирую синяк на икре.

— Неча с животиной нежничать, когда она жрёт. — Поддаёт мне сверху баба Тася, как неразумному ребёнку.

— Я и не нежничала! Попробуй тут, ага...

— Каструль в предбаннике. А я на почту пошла.

На почту — это значит, пол дня её не будет. Пока все деревенские новости не обсудит, домой не вернётся.

Потягиваюсь.

Маруся приходит, смотрит преданно снизу-вверх. Зелёные глаза ярко выделяются на фоне лоснящейся, чёрной шубки.

Выглядываю через щель в занавесках, которые в моей комнате выполняют функцию двери. Кикимора моя ушла.

Хлопаю по кровати рядом с собой. Маруся запрыгивает. Сжимаю её в объятиях и слушаю, как она тарахтит свои песенки. Если баба Тася увидит кошку в постели — убьет нафиг нас обеих. Здесь с этим строго, но я иногда нарушаю.

Через пару минут, вздыхая, встаю. Одеваюсь.

Тёплые штаны размеров на пять мне велики. Свитер с горлом. Сверху стёганная баб Тасина куртка, старая и потрёпанная, но не продуваемая никакими ветрами. На ноги — шерстяной носок, резиновые сапоги.

Шура — бабуля с соседней улицы. Подслеповатая, да и на ухо туговата. Родственников в деревне нет, ухаживать за ней некому. Но в таком положении не она одна здесь. Тут многие выживают, как могут.

Мама, когда жива была, говорила часто, что уважающая себя женщина добра к слабым и милосердна к сильным. И те, и другие заслуживают помощи.

И я помогаю, чем могу, хотя порой кажется, что ничем не могу... Я сама слабая. Тепличное растение.

Жизнь в деревне сурова. Сюда как будто не весь технический прогресс доходит. Теряется где-то по пути и приходит остаточным явлением в виде кнопочных телефонов-кирпичей и спутниковых тарелок, что на каждом доме пестреют разноцветными блинами.

На улице сразу оказываюсь подвергнута нападению Цуци-

ка. Он истерично лает, хотя я здесь уже пять месяцев живу. Пора бы привыкнуть...

— Хороший мой, сейчас я тебя накормлю, не буйствуй.

— Медленно боком двигаюсь к бане за «каструлем».

Ставлю перед Цуциком глубокую железную миску с чем-то, что с натяжкой можно назвать едой. Деревенские варят собакам странные харчи, в которых всё: от картофельных очисток, до чёрствого хлеба.

Маруся, что за мной по пятам ходит, идёт ластиться о Цуцика. Трётся мордой о миску, как бы невзначай облизывая края. Цуцик морщит нос, скалится, но кошку не трогает. Терпит.

Ох и бесстрашная же ты, Маруся!

Перегнувшись через хлипкий забор, зову Дымка.

Нет, загулял наш парень опять. Вернётся через пару дней только.

Забираю тележку для фляги — металлическую палку с крюком, на колёсиках. Плетусь к Шуру.

На её крыльце пустая фляга. Меня ждёт. С тоской смотрю на сорокалитровую бандуру, предвкушая, как потащусь с ней, полной воды, обратно по грязи. Но Шура сама не справится: своего колодца у неё нет.

Прусь до водокачки, открываю вентиль. Привалившись плечом, жду, когда в канистру наберётся вода.

Смотрю на серенький пейзаж.

Да, летом здесь повеселей. Зелено, свежо, пахнет водой

и немного тиной, а ещё разнотравьем — пряным, терпким. Земляника растёт прямо под ногами.

Сейчас же лысеющие деревья, скрюченные, кривые, вместе с покосившимися домиками, рисуют картину не самую жизнерадостную.

Но теперь это — моя реальность, и нужно принимать её такой, какая она есть. И вообще радоваться, что возможность на эту самую реальность у меня появилась.

Иногда я не могу поверить в то, что сбежала. Я слишком ручной зверёк, домашний. Привыкший к комфорту. Но иногда жизнь не то, что ставит ультиматум, она буквально вышвыривает тебя из лодки в ледяную воду. И барахтаешься ты потом, как можешь, лишь бы продолжать дышать.

Пру флягу обратно. Получается очень медленно. Ноги в резиновых сапогах, болтающихся на моей узкой стопе, проскальзывают в мокрой, склизкой жиже.

— Здравсьте, дед Миша! — Машу рукой.

Деда Миша вытаскивает сигарету, выпускает густой дым изо рта.

— Лета, загляни как-нибудь. У меня, кажись, телевизер сломался.

— Загляну!

Обратная дорога занимает почти пол часа, хотя идти метров пятьсот.

Оставляю флягу на крыльце. Разуваясь там же. Захожу в дом.



— Баба Шура!

Тишина.

— Шурочка, я вам воду привезла! В умывальник залить?

Снова тишина.

Обеспокоенная, иду в спальню хозяйки.

Баба Шура лежит с капустным листом на голове. Лицо землистое, серое. Под глазами тёмные круги.

— Баб Шура, вы чего? — Падаю у кровати, отыскиваю сухую, морщинистую ладонь.

— Летушка, ты это? — Слабо улыбается, сжимает мои пальцы. — Да нормально всё. Просто прилегла.

— Вам плохо?

— Неет! Нет, нормально всё со мною, не переживай, девочка. Полежу и пройдёт.

Менталитет людей этого возраста. Даже при смерти не признаются ведь, что плохо!

— Какие таблетки вам принести?

— Там, от давления... Возле чайника, в коробочке голубой.

Нахожу таблетки. Несу вместе со стаканом воды. Помогаю Шуре привстать, и пока она пьёт, взбиваю подушки под её спиной.

— Завтракали сегодня, баб Шур?

— Яичко съела. — После задумчивой минутной паузы.

— Нельзя так. Ай-яй-яй! Откуда у вас силы будут? Обязательно нужны углеводы! Я сейчас приготовлю, вместе по-

завтракаем.

Баба Шура слабо отнекивается, пререкается, но я непреклонна.

Варю геркулес. На печь кладу оттаивать замороженную смородину и клубнику. Ягода крупная, хорошая, со своего огорода. Ставлю чайник.

Пока завтрак готовится, замачиваю в тазике грязную посуду.

Раскладываю кашу по тарелкам, украшаю ягодами, присыпаю слегка сахарной пудрой. Сервирую застеленный цветастой клеёнкой стол.

Почти как в ресторане...

— Баб Шур, пойдёмте есть.

Ковыляет потихоньку из спальни.

— Вот каша, полезная, с ягодами. И витамины, и энергия. И чай тёпленький.

Присаживаюсь тоже за стол.

— Ты сама-то когда кушала? Совсем прозрачная стала!

— А я вот, вместе с вами, за компанию! — Улыбаюсь, отправляя кашу в рот.

— За компанию — это хорошо. У меня, Лета, давно уже нет компании. Все мои разлетелись из гнезда, и хоть бы кто навестил бабушку.

— Да, занятые сейчас все.

— Всё пытаются денег побольше заработать. А счастье в деньгах ли?

— Ну, знаете, как говорят: счастье не в деньгах, но куда приятней грустить, когда ты богатый.

— А я тебе скажу, что не правда это. — Припечатывает скрюченный палец к столу. — Приятней грустить, когда рядом семья. Когда деток полный дом. Там и не до грусти!

— Молодые — амбициозные.

— А как старость придёт, о чём вспоминать будут? О том, как батрачили, рук не покладая? Та что за жизнь-то это, Летушка? С собой ведь денег не унести. На том свете все равны будем.

Баба Шура роняет взгляд в тарелку. Ковыряется ложкой, смешивая кашу с ягодным соком. И у меня щемит сердце от печального зрелища.

Им ведь просто нужно немного нашей любви. После того, что они прошли за свою жизнь, они заслуживают хоть чуточку человеческого тепла и внимания.

Отхлёбываю чай.

Я не знаю, что сказать. Но знаю, как развеять грусть баб Шуры.

— А хотите, я вам эклеров привезу?

— Тех, вкусеньких? — Загораются её глаза.

— Ага.

Вкусеньких и дорогущих. Из своей любимой веганской пекарни. Сто грамм радости без вреда для здоровья и фигуры.

Раньше эта радость была мне доступна хоть каждый день,

а сейчас — только по особым случаям. Но сейчас как раз особый.

— Да не надо, Лета. Это ж в город мотаться...

— Мне всё равно нужно. У баб Таси лекарства кончаются.

Вы мне список черканите, чего из продуктов взять.

— Лета, тебя мне сам Господь послал! Нам всем.

Шура сжимает мою руку своей шершавой, тёплой. Её морщинистое лицо светлеет от радости. И мне тоже становится лучше.

Ну, ради такого не грех лишний раз в город прокатиться!

## Глава 5

### Север.

Волшебный карандаш — есть.

Эклеры в крафтовом пакете — есть.

Семибалльные пробки по всему городу — ну естественно.

В пекарне занимаю столик у окна, беру кофе и горячую плюшку. Какой смысл толкаться на дорогах, если можно переждать?

Надеюсь только, что Лика задержится на своей тренировке, и я успею приехать до неё. Иначе жаль Аристого, этого добряка... Страшно подумать, насколько изощренными могут быть карательные меры.

Помещение пекарни маленькое, к тому же битком. Популярное место. Люди сейчас любят скромные локальные бренды с замашкой на экологичность и прочее модное. А по мне здесь необоснованно дорого.

Лениво разглядываю посетителей. Хохочут, весело общаются. Жизнь ключом бьет. И я этим людям немного завидую.

У меня, по факту, всё есть. Руки, ноги, голова, отчасти выполняющая свою функцию. Крыша над этой самой головой. Работа. Деньги. Машина.

А главного нет — счастья. И как его найти?

Утыкаюсь взглядом в окно, на серое небо, низкое и хмурое. Тяжёлые тучи, гонимые ветром, быстро ползут на юг. И

хоть бы один единственный лучик солнца проскочил через это плотное полотно.

Огненная копна мелькает перед глазами. Открыв рот, наблюдаю, как в пекарню заходит ведьма. Та, что с моста.

Заняв место в очереди, нетерпеливо притопывает ногой. Выглядывает из-за чужих спин на витрины. Украдкой рассматривает народ.

Съезжаю на стуле ниже, опускаю бейсболку на глаза, усиленно мимикрируя под мебель.

Дважды за два дня пересечься с незнакомкой в городе с населением в несколько миллионов человек — что это? Совпадение?

Только я не верю в совпадения. Зато верю в знаки.

И хочется подойти, но ведьма меня наверняка пошлёт в долгое пешее, и будет права. Маньячить нельзя.

Да и что я ей скажу?

Привет, мне тебя послала вселенная, чтобы...

А чтобы что? Жизнь мёдом не казалась?

Очередь доходит до неё.

— Здравствуйте. Эклеры, пожалуйста. Шесть штук. — Звенит её голос.

И я весь на него реагирую. На каждую высокую ноту.

Вбираю в себя её образ, раскладывая на детали. И меня почему-то торкает. Из неё фонтанирует жизнь, но с примесью чего-то тяжёлого, мрачного.

Острый угол челюсти переходит в тонкую лебединую

шею. Плечи узкие, и вся она, как хрустальная. Хрупкая.

— К сожалению, эклеры закончились. Могу предложить вам пончики, свежайшие! Они немного подороже, но очень вкусные!

— Нет, я сюда за эклерами ехала... — Растерянно. — А когда будут ещё?

Девушка за кассой поворачивается к окну, ведущему на кухню.

— Лен, когда эклеры?

— Через час!

— Через час будет свежая партия.

— Час... Час — это много. — Поджимает губы. Взвешивает своё решение так, словно от него зависит её жизнь. — Ладно, давайте пару пончиков. Мм... Нет, давайте три.

Лезет в карман, вытаскивает смятые купюры. Отсчитывает.

— Пожалуйста. — Девушка за кассой передаёт крафтовый пакетик. — Приятного аппетита, приходите снова!

Ведьма, расстроенная, выходит.

Проходит мимо окна, за которым сижу я. И я гашу в себе порывы пойти следом и отдать свои грёбанные эклеры взамен на её улыбку.

Инстинкты мне подсказывают, что с ней что-то не так. Но я пока даже самому себе не могу объяснить, что именно меня настораживает. Просто чую это нутром.

Не маньячить, Север.

Нельзя сталкерить за девушкой только потому, что она показалась тебе странной.

Но у меня на подкорке вшиты другие сценарии на подобный случай, поэтому я сгребаю со стола кошелёк, телефон, и выхожу вслед за ведьмой.

Она яркая, выделяется из толпы. Рыжие волосы каскадом рассыпаются по бирюзовой куртке. Идёт быстро, иногда оглядывается, словно чувствует, что сели на хвост.

Пару кварталов мы просто мчимся куда-то к её цели, а затем она сворачивает в подворотню. Прислонившись к стене, выглядываю.

— Мурзик! Мурзик! — Зовёт кота. Шуршит крафтовым пакетом.

Кота пончиком? Ну...

Терпеливо жду, когда она там совершит все свои акты милосердия, потому что чую — это не конечная точка нашего маршрута.

Через пару минут ведьма выруливает из двора и снова мчит вперёд, словно за ней кто-то гонится. Останавливается только на автобусной остановке.

В автобус я за ней не полезу — спалюсь. За своей машиной бежать — упущу.

Вызываю такси.

Ведьма высматривает на горизонте свой транспорт, я гипнотизирую приложение.

Через несколько минут моя машина подъезжает.



Сажусь.

— Центральный парк? — Спрашивает водитель.

— Нет, подождём.

— Вы не в центральный парк?

— Заказ мой, но мы туда не поедём.

— Мужик, я чёт не понял...

Достаю корочки.

— Старший оперуполномоченный Северов. Провожу специальную разведывательную операцию и надеюсь на ваше содействие.

— Эм... Понял. Посодействую, конечно, товарищ...

— Майор.

— Товарищ майор. — Тяжело сглатывает.

Ведьма садится в подъехавший автобус.

— Вот за этим корытом давай.

— Есть, товарищ майор. Будет сделано, товарищ...

— И молча.

Петляем по городу за автобусом. На каждой остановке вглядываюсь в выходящих пассажиров, но ведьмы моей среди них нет.

— Товарищ майор, дальше по этому маршруту конечная.

— Вокзал?

— Ага.

— Значит, туда.

Обгоняем на повороте автобус. Выхожу из машины.

— Спасибо за содействие следствию. — Жму водиле руку.

— Служу отечеству!

Ведьма выходит из автобуса, топает к центральному входу.

Иду следом. Перед турникетами выкладываю на стол всё из карманов, прохожу, сгребая быстро свои вещи в пакет с эклерами.

Догоняю, растворяясь в толпе безликих серых людей. Возле касс пригородных поездов подхожу вплотную, чтобы подслушать, куда едет. Поднимаю воротник куртки. Ставлю свой пакет рядом с её.

— До Мирной на ближайшую электричку, пожалуйста.

— Четыреста восемнадцатый? — Недовольно из окошечка.

— Да.

— Ну, так и говорите, девушка.

Сжав зубы, ведьма цедит снова:

— Будьте так любезны, до четыреста восемнадцатого на ближайшую. — Суёт в кассу деньги.

И мне кажется, что она сейчас буркнет какое-нибудь заклинание и превратит неуютную тётю в лягушку.

— Отправление через пятнадцать минут. — Кассирша отдаёт билет.

Ведьма хватает и убегает.

Смотрю замороженно ей вслед и не могу сообразить, отчего меня тянет так к этой рыжей.

— Мужчина! Очередь не задерживайте! Куда вам?

— А?

— Куда едете?

— Нет, спасибо, не еду.

Кассирша цокает, закатывает глаза.

— Следующий!

Отхожу от кассы.

Значит, Мирная. И что ты там забыла, в этой Мирной? Это же деревуха на сорок домов. Бывал там однажды, лет десять назад.

Мне сложно представить ведьму в сельском антураже. Не вписывается, как ни крути. Она по всем параметрам другая. Городская. Утончённая. Благородная. Эти нестыковки только рождают новые вопросы, и не дают совершенно никаких ответов. А вопросы без ответов меня убивают.

Ладно, отвали от девочки, Север. Каждый имеет право на свои секреты. И то, что ты опер, не даёт тебе право на посягательства на частную жизнь.

Только вот я уже посягнул.

Лезу в пакет за телефоном, чтобы такси вызвать. Пусто. То есть, пончики есть, а остального — нет.

Вытащили, пока я тут хлебалом щёлкал? Вот тебе и опер, мля...

А почему, собственно, пончики?

Бегу к выходу на перрон. Вот же дебил, а! У меня ж в том пакете и доки, и ключи, и деньги!

Люди толпятся возле открытых дверей электрички. Кто-

то заходит, кто-то выходит. Ведьмы с моим пакетом нет. Забегаю в ближайший вагон.

— Осторожно, двери закрываются. — Вещает электронный голос.

Бля, ну шик!

Хотел на поезде прокатиться? Получите, распишитесь. Надо было чётче свои желания формулировать.

Электричка трогается.

Поменяю пакеты, выйду на следующей. И обещаю себе, что выброшу ведьму из головы. Да.

Надвинув кепку поглубже на лицо, иду вперёд. Прокуренный тамбур, снова вагон. И там её нет. А вот в третьем — есть.

Сидит одна, привалившись головой к окну, спиной ко мне. Её рыжие волосы в этом мрачном пространстве — единственное яркое пятно. Невозможно её не заметить или с кем-то спутать.

Подкрадываюсь медленно и тихо. Ваще не подозрительный тип... Пассажиры косятся с недоумением.

Осторожно ставлю свой пакет на деревянную лавку, тяну на себя её пакет.

— Воры! — Верещит кто-то с другого конца вагона. — Воры!

Ведьма резко оборачивается. Ярко-зелёные глаза сверкают изумрудами.

— Вы?! — Опускает взгляд вниз. — Вы что, воруете?!

— Дайте мне минуту и я всё объясню!

— Полиция! Полиция! Здесь воры!

Оборачиваюсь на визгливую барышню. Удерживая пальцем кнопку связи с машинистом, она орёт в динамик:

— Пришлите ОМОН! Здесь кража!

Мля! Приехали...

## Глава 6

**Лета.**

Через пару минут в вагон входят два человека в форме. Женщина, что их вызвала, указывает на нас пальцем.

— Ну, в чём проблема? — С гонором спрашивает полицейский.

— Вышло недоразумение. — Вальяжно так, без какого-либо напряжения, объявляет мужчина.

— Это мы шас сами разберёмся. Документики ваши можно посмотреть?

— Если она мой пакет отдаст.

Прижимаю пакет тесней к груди.

— Это моё.

— Да вы загляните! — С нажимом говорит мужчина.

— Так, документы. И ваши. — Обращается полицейский ко мне.

Меня знобит от ужаса.

Потому что я стараюсь не светить лишний раз паспортом. Двойная фамилия, да ещё и наполовину французская — это слишком запоминающийся факт. И если парни в форме хоть раз слышали о сбежавшей жене Стоцкого, то наверняка запомнили.

Это может стать конечной остановкой в моём маршруте. Пять месяцев трудов окажутся перечёркнуты одной идиот-

ской выходкой.

Достаю паспорт из внутреннего кармана куртки. Трясущейся рукой передаю полицейскому и сосредоточенно вглядываюсь в его лицо.

Тот только хмыкает и молча показывает документы на парнику. Оба сдерживают ржач.

Летиция Стоцкая-Дюпре в пахнувшей сигаретами и пирожками с луком и яйцом электричке — это смешно? Возможно...

— Теперь ваши. — Обращаются к мужчине.

— Всё у неё. — Закатывая глаза, говорит он. — Девушка, просто загляните в пакет. Нет там ваших пончиков. Там мои эклеры. А ещё телефон, ключи, бумажник.

— Давайте уже. — На выдохе требует полицейский.

Заглядываю.

Да, действительно... Пончиков нет. Зато куча чужого барахла.

— Извините... — Зачем-то прошу прощения и возвращаю пакет мужчине. Сгребая свой, с пончиками.

Мужчина достаёт документы, тычет в нос полицейским. Те в секунду вытягиваются по стойке смирно и на лица натягивают самые серьёзные выражения.

— Так это... Вы б сразу сказали... Товарищ майор... Претензии к девушке будут?

— Чего? — Морщится этот товарищ майор. — Пургу не несите. Какие у меня к ней претензии?

— Тогда протокольчик заполним по-быстренькому, а? Положено так.

— Заполним, раз положено.

Под любопытными взглядами пассажиров заполняем вместе какие-то бланки. Ставлю свою подпись там, где показывают. Вся эта бюрократическая волокита занимает добрую часть пути.

Внутреннее напряжение немного отпускает лишь тогда, когда полицейские уходят. Но я всё равно один сплошной спазм.

Я была на волоске. И если бы стражи порядка попались более амбициозные и ответственные, меня бы уже возвращали Максусу.

Это страшно. Не хочу...

— Я Данил. — Тянет руку мужчина. — Можно Север.

— Я уже поняла. — Сиплю, кое как выталкивая из себя слова.

— Красивое у вас имя. Тёплое.

— А у вас — нет.

— Не тёплое, или не красивое?

— Послушайте, Данил-Север. Я не знаю, почему вы до сих пор здесь, но если моё выражение лица вам ни о чём не говорит, то я скажу словами: отстаньте от меня, пожалуйста.

— Понял! — Поворачивается к окну. Замолкает на две секунды ровно. — А вы в Мирную, да?

— Боже...



— Я там был однажды.

— Поздравляю.

— Вы там живёте?

— Нет, приезжаю постоять на перроне.

— Вы забавная.

— Прошу вас, не заставляйте меня переходить на грубо-сти.

— Следующая остановка четыреста-восем-надцатый километр. — Объявляют по громкой.

— Ну вот, почти приехали. — Вертится Север на скамье в нетерпении.

Он что, собрался выходить в Мирной? Ладно...

На перрон вываливаемся вместе. Электричка уезжает дальше.

Накрапывает дождь.

— Ну, счастливо оставаться. Чтобы сесть на обратную, не забудьте перейти на другую сторону.

— А когда обратная?

— Через два с половиной часа. — Спускаюсь по ступеням. Север догоняет.

— Погодите, вы же не оставите меня здесь?

— Почему нет?

— Ну... — Смотрит, прищурившись, на низкое небо. — Дождь вот-вот разойдётся.

— Не сахарный.

— Ну будьте же милосердны! — Трогает за плечо.

Рефлекторно отскакиваю на шаг.

Он не делает мне больно, у него нет такого намерения, но моё тело испуганно вибрирует на близость мужчины.

Север широкий в плечах, мышечный, не похож совсем на Макса комплекцией. Да и лицом не похож. Максим, скорей, элегантный, нежели мужественный. Достаточно атлетичный, но как Американская верховая. А Север — как русский тягеловоз.

Они разные, но мне всё равно не по себе от этих прикосновений.

— Не надо, пожалуйста! — Обнимаю себя руками.

— Ладно, окей. — Чертит носком ботинка каракули в грязи. — Извините. Я не хотел. Не подумал... Не прав.

Разворачивается и поднимается на перрон. Садится на влажную лавку и, уперев подбородок в кулаки, смотрит на поворот, из которого должна вынырнуть электричка. Через два с лишним часа...

Мне плевать. Своих проблем хватает.

Совершенно плевать.

Я не заставляла его за мной шпионить, не заставляла садиться в электричку. И я уж точно не виновата в том, что мы перепутали пакеты.

Это всё он. Это его собственные выборы привели его в незнакомую глушь на мокрую лавку под дождь.

Снова смотрю на майора этого...

Сидит, как несчастный пёс, брошенный и понурый.

Нет, Лета, перестань жалеть убогих! Иди домой, он большой мальчик и сам справится.

Но я жалею, да. Может потому, что боюсь утратить остатки человечности, что живут во мне. Если мы перестанем помогать людям, даже в мелочах, что же от нас останется?

Закрыв глаза, борюсь с собой.

— Север! — Кричу, складывая руки на груди. — Идёмте, пока я не передумала.

Он тут же подсказывает с лавки и, довольный, идёт ко мне. Того и гляди хвостом завиляет.

Переобуваюсь в резиновые сапоги, которые оставила под завалинкой местного сарая. У Севера на ногах — модные ботинки, почти чистые. Ну... Это не на долго.

Почти всю дорогу мы идём молча. Пресекаю любые попытки заговорить о моём настоящем и, тем более, о прошлом. Это не свидание, не дружеская встреча.

Север дышит глубоко. Его ноздри расширяются, когда он хватает чистый воздух, чуть отдающий дымом из печных труб, смолой и хвоей.

Нравится? Да, мне тоже нравится.

Проходим по мосту мимо дамбы. Внизу бурлит речка, неглубокая совсем, но резвая. И Север, как ребёнок, минут пять таращится на её игривый поток с неподдельным восхищением.

У дома заставляю почистить обувь.

— Вот так, об траву сначала. Потом об тротуар соскреба-

ете. И снова по траве, чтобы сбоку счистить.

— Деревенские лайфхаки... — Повторяет за моими движениями. С любопытством рассматривает дом. — Это ваш?

— Нет. Моего здесь ничего нет.

Молчит, ожидая продолжения.

Но мы договорились только на горячий чай. Мои откровения в эту услугу не входят.

Север тянется к калитке.

— Подождите. Тут своя система.

Стучу по забору. Цуцик молчит, значит, гулять упёрся.

Приподнимаю калитку, проворачиваю вертушку. Захожу.

Север идёт следом. Трясёт хлипенький забор, проверяя на прочность. Заглядывает в палисадник под окном. Суёт свой нос в бочки, стоящие под дождевым желобом, сделанным из пластиковых бутылок.

И мне отчего-то жутко неловко это всё...

Когда-то у меня был другой дом. Три этажа, огромная парадная лестница, как во дворце. Целый штат работающих на мужа людей: от повара до горничных.

Такой дом можно было показывать с гордостью, только вот я ненавидела то место. И с содроганием сейчас вспоминаю нашу с Максом общую спальню.

— Снимайте ботинки на крыльце. — Командую я.

Север послушно выполняет.

Там же, на крыльце, стоят калоши баб Таси. Значит, нагоня за незваных гостей избежать не удастся. Надеюсь лишь,

ей хватит порядочности, чтобы сделать это потом, когда Север уйдёт.

— Баб Тася, я дома! — Кричу с веранды, чего никогда не делаю. — У нас гости!

Баба Тася сидит за столом на кухне, разгадывает кроссворд. Отложив ручку, с интересом рассматривает Севера.

Я показываю ей знаками, чтобы молчала. Но это же баба Тася, она никогда не молчит...

— А говорила, мужиков не любишь. — Сухо бросает она.

— Ему надо электричку в город дожждаться.

— А на вокзале место закончилось, иль шо?

— Это я напросился, не ругайся, хозяйка. — Выступает вперёд Север.

Баба Тася цепким взглядом проходится по его стильной кожаной куртке, брюкам, модной причёске, и делает какие-то свои выводы, судя по сдержанному смешку.

— Где ты находишь только их, непутёвая? — Поднимается с кряхтением из-за стола. — Гость, как звать-то тебя?

— Север.

— Север. — Бубнит под нос. — Ты из этих чтоль?

— Из каких?

— Которые по утрам полтора часа марафет наводят перед зеркалом.

Север смеётся.

— Нет, бабушка, я из обычных.

— Мм. А то морда больно симпатишная. Лета, сходи за

водой, в баке закончилась.

— Давайте я, бабушка. — Поворачивается ко мне. — Показывайте, что делать.

— А ты, Север из обычных, за стол. — Баб Тася тычет скрюченным пальцем на своё место. — Садись, неча ей мешать. Она девка хоть и с придурью, но руки откудава надо растут. Сама справится, не впервой.

Север задумчиво топчется на месте.

Молча киваю ему на стул, потому что с бабой Тасей спорить — себе дороже. Да и не просто так она меня сплавить пытается... Устроит сейчас несчастному майору допрос с пристрастием. Покажет, как работает настоящая разведка.

Ну ничего. Пусть пообщаются. Может поймёт, что не стоит напрашиваться в гости, когда ты понятия не имеешь о людях, к которым собрался на чай.

Ухожу за водой.

Не тороплюсь, чтобы дать баб Тасе побольше времени. Чтобы развернулась она во всю мощь своей пытливой натуры.

Надеюсь, к моему возвращению Севера и след простынет. Ну, или хотя бы сотрётся с его лица эта непроходящая полуулыбка, а то он как блаженный с тех самых пор, как в деревню приехал.

Минут через тридцать с канистрой воды вхожу в дом, и ещё с веранды слышу хохот.

Баб Тася заливается смехом так, что воздуха не хватает, и

она ойкает, машет руками и хватается за бок.

Не припомню, чтобы на мои шутки она хотя бы улыбалась... А может, я просто не шутила никогда при ней?

Но я, отчего-то, чувствую укол ревности.

Это даже не моя бабушка. Это просто женщина, которая приютила меня взамен на помощь по хозяйству. Мы не обязаны любить друг друга или даже нравиться друг другу. Достаточно того, что мы уживаемся вместе худо-бедно.

Но я всё равно ревную, как маленькая неразумная девочка.

С грохотом ставлю канистру на пол.

Эти двое устремляют на меня свои взгляды.

— Летушка, ты чего так быстро?

Летушка? — Едва заметно дёргаю бровями.

Чего этот майор баб Тасе подсыпал?

Потому что обычно я «непутёвая», «бестолочь» или «горе луковое».

— Весело вам, смотрю.

— Данил мне рассказал, как вы познакомились. — Говорит баб Тася, а я застываю от напряжения.

Потому что познакомились-то мы на мосту, и эту историю просто невозможно рассказать в позитивном ключе. Нет там ничего забавного.

— Бабушке было очень любопытно, и я рассказал, как мы пакеты перепутали, а потом я за вами мчался через пол города. — Поясняет Север.

Благодарно моргаю ему за опущенный первый акт нашего знакомства.

— Пойдём, Данечка, я тебе покажу, где у нас дровяник. Ты только переоденься. В красивом своём не ходи. — Баб Тася гладит Севера по плечу, словно смахивает невидимую пыль.

Что. Вообще. Происходит?

Север встаёт.

— Вы куда?

— Данил предложил дров нам наколоть. Данечка, вон там, в комнате, шкаф стоит. Иди себе присмотри чего.

— Я сама могу!

— Сама, сама. — Ворчит моя кикимора, подходя ближе.

— Раз в сто лет мужик в доме появился. Пользуйся, непутёвая!

— Вот и живите тогда с ним. — Шиплю в ответ.

— Ай, Лета! Не разбираешься ты в людях!

— Вы с ним пол часа знакомы.

— За свою жысть плохих от хороших отличать научилась.

— Ну и замечательно. Я к Шуре пошла. Отнесу пончики.

— Возьмите эклеры, Лета. — Выходит из моей комнаты Север. — Вы же за ними в город ездили?

Он в вязаном чёрном свитере с высоким горлом.

Свитер плотно облегает широкие плечи и мощный торс. Подчёркивает тёмные волосы и оттеняет светло-голубые глаза.



И чтоб мне провалиться, но я не могу оторвать глаз от него. Шарю взглядом по выпирающим грудным мышцам, а внутри сердце отстукивает: «предательница».

Потому что я себе пообещала, что больше никогда и ни за что. Не поверю, не доверюсь. Не влюблюсь. И уж точно не поведусь на красивую картинку.

Хватаю пакет с эклерами и ухожу к Шуре.

Надеюсь, дорогу на вокзал этот майор запомнил...

## Глава 7

**Север.**

Деревня Мирная своё название заслужила. Здесь...хорошо.

Просто хорошо.

Пахнет дымом, прелой листвой. Воздух такой чистый, что голова кружится и клонит в сон. У меня кислородный передоз.

Домик у баб Таси типичный, деревенский, на двух хозяев. Только во второй половине никто уже не живёт — перебралась семья оттуда в город, как и многие другие.

Уютно здесь, по-домашнему. Обои цветастенькие. Старый телек в зале, напротив двух огромных старомодных кресел. Большой православный календарь на стене. Печка, на которой греется чайник.

Сама баб Тася — это улёт по всем фронтам. Юморная старушка с боевым характером. И Лету опекает очень, словно внучку. Только отчего-то холодно между ними. Да и не внучка ей Лета.

Но тогда кто?

Имя я узнал, и по возвращению в город пробью. Пробил бы хоть сейчас, но на телефоне одна палка связи, да и та периодически пропадает. И судя по тому, что мне за всё время здесь никто не звонил, эта палка чисто номинальная. А

у меня уже всё чешется изнутри от предвкушения нырнуть в чужую тайну.

Топор рассекает чурку пополам. По спине струится пот, а мышцы рук и плеч постепенно забиваются.

Останавливаюсь, чтобы отдышаться.

Тут ещё целая гора дров, и за полтора часа, что у меня до обратной электрички осталось, мне всё это не переработать.

Но я уже принял решение, что вернусь. И получил официальное разрешение на это от хозяйки.

Забор покосился, во дворе сгнил тротуар. Надо менять доски. Крыша у баньки прохудилась, там только шифер перестилать. Лета, а тем более баб Тася, с этим не справятся.

Хочется помочь. Просто по-человечески. Только мне бы подкрепление, в одного здесь возиться буду долго.

Я хотел знак — я его получил. Вот, зачем Лета появилась в моей жизни. Она привела меня туда, где я могу быть действительно полезен. Правда, сама Лета от этого явно не в восторге. Я её раздражаю.

А она...

Она красивая. И загадочная.

И я не знаю, от чего из этого меня больше торкает.

Непонятное — понять, необъяснимое — объяснить, загадочное — разгадать. Точка.

А если её тайна тебе даст такое, что не унесёшь, Север? Чо делать будешь?

Да как не унесу? Вон, какие ручищи. Топором машут,

дрова колят. Я этими ручищами и Лету и все её тайны могу подхватить и утащить, куда захочу.

А куда хочу..?

Куда хочу — туда пока нельзя. Она ж трясётся от любопытного прикосновения, словно чихуахуа. Сломано что-то. А как исправить?

Я вот забор могу. Крышу — тоже. Собрать мебель из дерева — запросто. Спасибо отцу, он меня этому обучил.

А вот как человека чинить я не знаю.

Я сам как неотёсанное полено во всём, что касается тонких организаций.

Понимаю только, что нельзя давить. Надо нежно. Типа, доверие выстроить. Хотя бы коммуницировать научиться нормально, а потом уже всякое остальное.

В голове неожиданно рождается картинка, как я беру Лету на руки. Сжимаю тонкую талию грубыми ладонями, и она почти невесомая в моих объятиях. Как бабочка.

Нет, стоп. Какая нахрен она бабочка? Она ведьма. Горячая, как огонь.

И теперь перед глазами стоит другой образ: рыжие волосы, струящиеся по обнажённой спине и падающие на хрупкие плечики. А там, дальше, вне зоны видимости, вздымается полная грудь. Её кожа — это атлас, гладкий и сияющий. И когда я веду пальцами по груди, её маленькие розовые соски напрягаются, превращаясь в бусинки. А когда я загибаю её в откровенную позу, она мурлычет, и её густые ресницы пор-

хают над бледными щеками, скрывая поплывший взгляд.

В паху зудит. Перед глазами мутно.

Бля...

В приливе тестостерона хватаюсь за топор, чтобы хоть как-то из себя эту порнушку выбить, но оно не уходит. С каждым ударом по полену манящий образ только сильнее впечатывается в мозг.

Уйди, ведьма! Приворожила, да? Иначе как это объяснить?

У меня обычно всё просто с женщинами. Выбираю тех, кто заведомо согласен. Никаких плясок вокруг. Чисто секс и все довольны.

И меня это устраивало. До той самой ночи на мосту.

После — как отрубил. Ведьма мне разве что не снится, но чую, это временно.

— Данечка, бросай работу! — Кричит баб Тася с крыльца.  
— Иди покушай, голубчик.

— Сейчас, бабуль.

Складываю дрова в дровянике штабелем. Отряхиваю одежду от щепок и пыли. Захожу в дом.

— Садись сюды. Кушай.

Баб Тася ставит передо мной тяжелую чугунную сковороду. Там картошечка, грибы, всё с лучком и сметаной. Блестит от масла. На дощечке нарезано сало с чесноком. Чёрный хлеб ломтями. Солёные грузди в блюде, огурчики, помидорчики. Кайфы!

— Бабушка, да вы что! Я столько не съем!

— Съешь! — Хмурит брови. — Ты вон какой большой.

Тебе исть много надо, а то ноги не унесут.

Вручает вилку и двигает сковороду поближе.

Здесь всё по-простому. Без изысков, без пафосной сервировки, где по пять столовых приборов под каждой рукой, и хрен разгадаешь, за какой хвататься, чтобы не выглядеть дурачком.

Тут общая сковорода — и наяривай, сколько влезет.

— А Лета?

— Не придёт Лета.

— Мм. Ладно.

Меня это неожиданно и очень глубоко цепляет. Хочется ещё раз на неё взглянуть. Попасть под удар полыхающего взгляда.

— Да и не жрет она ничего. Кусочек хлеба с колбасой утащит в комнату и жуёт там впопыхах.

— А сейчас она где?

— Шурку развлекает. — Фыркает баб Тася. — Та вечно больной делается, лишь бы Лета почаще приходила.

— Доброе у неё сердце.

— Хорошо ли это, голубчик? Такую девку обидеть не трудно. Горе луковое.

— Кто её обидел? — Жую хрустящие грузди. Отвал башки...

— Та был один. — Баб Тася понижает голос и подаётся

корпусом вперёд. — Но я тебе, голубчик, этого не говорила. Не любит Лета, когда я в её прошлое нос сую. И ты не суй.

— Договорились. — Согласно киваю, хотя уже знаю, что сделаю по-своему.

После плотного обеда переодеваюсь «в своё красивое». И мне тоскливо думать о том, что сейчас придётся снова в город возвращаться. Не хочется...

— Ты, Данечка, в следующий раз на выходные приезжай. — Баб Тася поправляет мою куртку на плечах. — В баньке попаришься, я настойку из подполья достану. Хорошая настойка, на бруснике. Мягкая.

— Вы только Лете не рассказывайте о нашей договорённости.

— А чегой?

— Да она сбежит, если узнает, что я снова притащиться собрался.

— Дом мой, а значит, правила мои.

— Баб Тась.

— Ладно, голубчик. Будет нашим секретом. Ты токма возвращайся, мне всё веселей. Дорогу до вокзала помнишь, или проводить?

— Не надо, сам.

— Провожу. — Кивает баб Тася.

На вокзале тепло прощаемся. Из окна электрички машу рукой. И на сердце хорошо так, тепло. Будто в детство вернулся ненадолго.

За пару остановок до города оживает телефон. Стопятьсот пропущенных от Аристова.

Бляха. Надеюсь, жив он там. Я напрочь забыл про его волшебный карандаш.

Перезваниваю.

— Север, ну так друзья не делают... — Обиженно. — Ты где пропал?

— Да я, Саня, в деревне оказался. Случайно.

— В деревне. Ага. Слушай, ну если тебе впадлу было, так бы и сказал!

— Я тебе клянусь. Ну, не прикончила тебя Лика там?

— Да не! Нормально. — Полушёпотом. — Чо я, не мужик что ли? Я как по столу кулаком дал...

Возня, шорохи. Аристов кричит «помогите».

— Север, привет. — Лика перехватывает трубку. — Солнышко ты рисовал?

Ах ты ж гад! Всё-таки попытался задницу свою прикрыть.

— Лик, да ты что? Я только многочлены умею.



# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.